

ДЕТСКАЯ ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ КЛАССИКА

Е. ВЕЛТИСТОВ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ЭЛЕКТРОНИКА

«МАЛЫШ»

Детская иллюстрированная классика

Евгений Велтистов

Приключения Электроника

«Издательство АСТ»

1964

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Велтистов Е. С.

Приключения Электроника / Е. С. Велтистов — «Издательство АСТ», 1964 — (Детская иллюстрированная классика)

ISBN 978-5-17-137214-9

В книгу Евгения Велтистова «Приключения Электроника» вошла первая история о мальчике-роботе «Электроник – мальчик из чемодана». Серёже Сыроежкину необыкновенно повезло! Он встретил своего двойника-робота. Электроник теперь будет за Серёжу ходить в школу, делать уроки и другие нудные дела. Только всё не так просто, как сначала казалось Серёже. Электроник всё больше становится похож на человека, начинает чувствовать, размышлять, дружить. Останется ли место для Серёжи? По повести-фантазии снят культовый фильм «Приключения Электроника». Рисунки известного художника Вадима Челака. Для среднего школьного возраста. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-137214-9

© Велтистов Е. С., 1964
© Издательство АСТ, 1964

Содержание

Чемодан с четырьмя ручками	6
Белый халат или формулы?	10
Кто он, чемпион?	19
Акетпа. Монортсаг. Актсичмих	22
Фокусник всех времён	30
Всё об электронике	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Евгений Велтистов

Приключения Электроника

© Велтистов Е. С., насл., 2021

© Челак В. Г., ил., 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

Чемодан с четырьмя ручками

Ранним майским утром к гостинице «Дубки» подкатил светло-серый автомобиль. Распахнулась дверца, из машины выскочил человек с трубкой в зубах. Увидев приветливые лица, букеты цветов, он смущённо улыбнулся. Это был профессор Громов. Почётный гость конгресса кибернетиков приехал из Синегорска, сибирского научного городка, и, как всегда, решил остановиться в «Дубках».

Директор «Дубков», организовавший торжественную встречу, занялся вещами. Из распахнутой пасти багажника торчал закруглённый угол большого чемодана.

– Э-э, даже такой силач, как вы, не поднимет его, – сказал профессор, заметив, что директор заглядывает в багажник. – Это очень тяжёлый чемодан.

– Пустяки, – отозвался директор. Он обхватил чемодан мускулистыми руками и поставил на землю. Лицо его покраснело. Чемодан был длинный, чёрного цвета, с четырьмя ручками. По форме он напоминал футляр контрабаса. Однако надписи точно определяли содержимое: «Осторожно! Приборы!»

– Ну и ну... – покачал головой директор. – Как же вы справлялись, профессор?

– Приглашал четырёх носильщиков. А сам руководил, – сказал Громов.

– Мы оставили вам тот же номер. Вы не возражаете?

– Прекрасно. Весьма благодарен.

Директор с тремя помощниками взяли за ручки и отнесли чемодан на второй этаж. Поднявшись за ними, профессор с удовольствием оглядел голубоватые стены гостиной, удобную мебель, маленький рабочий стол у широкого, во всю стену, окна. Он почувствовал, что в комнате пахнет сосновым лесом, и улыбнулся.

Директор нажал на одну из кнопок у двери:

– Запах хвои не обязательно. Если хотите, можно цветущие луга, фиалки и даже морозный день. Это кнопки генератора запахов. Для настроения.

– Всё чудесно, настроение отличное, – успокоил его профессор.

– Мы так и думали. Пожалуйста, располагайтесь, отдыхайте. – И директор удалился.

Профессор распахнул окно. В комнату с шорохом листвы влетел утренний ветерок и запутался в прозрачных шторах. Под окном росли крепкие дубки, солнечные лучи пробивались сквозь их лохматые шапки и ложились светлыми пятнами на землю. Вдалеке шуршали шины. Над деревьями прострекотал маленький вертолёт – воздушное такси.

Громов улыбнулся: он никак не мог привыкнуть к этим вертолётам и ездил в обычных такси. Он видел, что город раздался и похорошел. От вокзала ехали мимо километровых цветников, в бесконечном коридоре зелёных деревьев, застывших, как в почётном карауле. Куда ни помотришь – везде что-то новое: берёзовая рощица, хоровод стройных сосен, яблони и вишни в белых накидках, цветущая сирень... Сады висели и над головой, на крышах зданий, защищённые от непогоды прозрачными раздвижными куполами. В промежутках между окнами, которые перепоясывали здания блестящими лентами, тоже была зелень: вьющиеся растения цеплялись за камни и бетон.

– Дубки подросли, – сказал профессор, смотря в окно.

Да, он много лет не был в этом городе.

Он нагнулся над чемоданом, отпер замки, откинул крышку. В чемодане, на мягком голубом нейлоне, лежал, вытянувшись во весь рост, мальчик с закрытыми глазами. Казалось, он крепко спит.

Несколько минут профессор смотрел на спящего. Нет, ни один человек не мог бы сразу догадаться, что перед ним кибернетический мальчик. Курносый нос, вихор на макушке, длинные ресницы... Синяя курточка, рубашка, летние брюки. Сотни, тысячи таких мальчишек бегают по улицам большого города.

– Вот мы и приехали, Электроник, – мягко произнёс профессор. – Как ты себя чувствуешь?

Ресницы дрогнули, блестящие глаза открылись. Мальчик приподнялся и сел.

– Я чувствую себя хорошо, – сказал он хриплым голосом. – Правда, немного трясло. Почему я должен был лежать в чемодане?

Профессор помог ему вылезти, стал поправлять костюм.

– Сюрприз. Ты должен знать, что такое сюрприз. Но об этом поговорим потом... А теперь одна необходимая процедура.

Он усадил Электроника на стул, достал из-под его куртки маленькую электрическую вилку на эластичном, растягивающемся проводе и вставил её в розетку.

– Ой! – дёрнулся Электроник.

– Ничего, ничего, потерпи, – успокаивающе сказал профессор. – Это необходимо. Ты будешь сегодня много двигаться. Надо подкрепиться электрическим током.

Оставив Электроника, профессор подошёл к видеотелефону, набрал на диске номер. Засветился голубой экран. Громов увидел знакомое лицо.

– Да, да, Александр Сергеевич, я уже здесь, – попыхивая трубкой, весело сказал Громов. – Самочувствие? Превосходное!

– Я не хочу, – раздался за его спиной скрипящий голос Электроника. – Я так не могу...

Профессор погрозил Электронику пальцем и продолжал:

– Приезжайте... Жду... Предупреждаю, вас ждёт сюрприз!

Экран погас. Громов повернулся, чтобы спросить мальчика, почему он капризничает, но не успел. Электроник вдруг сорвался со стула, подбежал к подоконнику, молниеносно вскочил на него и прыгнул со второго этажа.

В следующее мгновение профессор был у окна. Он увидел, как мелькает между деревьями синяя курточка.

– Электроник! – крикнул Громов.

Но мальчик уже исчез.

Покачивая головой, профессор достал из кармана очки и нагнулся к розетке.

– Двести двадцать вольт! – В его голосе прозвучала тревога. – Что я наделал! – Он бросился к двери.

Сбегаю по лестнице, профессор заметил удивлённое лицо директора и успокаивающе помахал ему рукой. Сейчас было не до объяснений.

У тротуара стояло такси. Громов резко распахнул дверцу, упал на сиденье. Переводя дыхание, скомандовал шофёру:

– Вперёд! Надо догнать мальчика в синей куртке!..

...Так начались необычайные события, которые вовлекли в свой круговорот немало людей.

Белый халат или формулы?

Живёт в большом городе обыкновенный мальчишка – Сергей Сыроежкин. Внешность его ничем не примечательна: круглый курносый нос, серые глаза, длинные ресницы. Волосы всегда взъерошены. Мышцы незаметные, но тугие. Руки в ссадинах и чернилах, ботинки потрёпаны в футбольных баталиях. Словом, Сыроежкин такой, как и все тринадцатилетние.

Серёжка полгода назад переехал в большой жёлто-красный дом на Липовой аллее, а до этого он жил в Гороховом переулке. Даже странно, как среди зданий-великанов мог так долго сохраниться последний островок старого города – Горохов переулок, с его низенькими домиками и такими маленькими дворами, что всякий раз, когда ребята затевали игру в мяч, обязательно разбивали окно. Но вот уже полгода, как Горохова переулочка нет. Бульдозеры снесли дома, и теперь там орудуют длиннорукие краны.

Серёжке нравится его новая жизнь. Он считает, что во всём городе нет такого замечательного двора: просторного, как площадь, и зелёного, как парк. Целый день скачи, играй, прячься – и не надоест. А если и надоест – иди в мастерские, строгай, пили, работай сколько хочешь. Или отправляйся в залы отдыха, гоняй бильярдные шары, читай журналы, смотри на экран телевизора, что висит на стене, как огромное зеркало.

А придёт минута спокойной задумчивости, и он увидит над двором стремительные облака-птицы, облака-планеры, облака-ракеты, которые несёт с собой ветер в голубом небе. И прямо из-за крыши вылетит на него большая серебристая машина – пассажирский реактивный самолёт, прикроет на мгновение крыльями весь двор и так же внезапно исчезнет, только гром прогремит по крышам.

И новая школа – вот она стоит посреди двора – тоже по душе Серёжке. В классах белые парты и жёлтые, зелёные, голубые доски. Выйдешь в коридор – перед тобой стена из стекла, и небо с облаками, и деревья, и кусты; так и кажется, что школа плывёт среди зелёных волн, будто пароход. А ещё самое главное, самое интересное – счётные машины в лабораториях. Большие и маленькие, похожие на шкафы, телевизоры и пишущие машинки, они приветствовали Сыроежкина весёлым стуком клавиш, дружески подмигивали ему разноцветными глазками и добродушно гудели свою нескончаемую песню. Из-за этих умнейших машин и название у школы было особенное: юных кибернетиков.

Когда Сыроежкин только приехал в новый дом, записался в седьмой «Б» и ещё не видел этих машин, он сказал отцу:

– Ну, мне повезло. Буду конструировать робота.

– Робота? – удивился Павел Антонович. – Это для чего же?

– Как – для чего! Будет ходить в булочную, мыть посуду, готовить обед. Будет у меня такой друг!

– Ну и дружба! – сказал отец. – Мыть посуду...

– Но это же робот, механический слуга, – ответил Серёжка.

И он ещё долго рассуждал о том, какие обязанности можно возложить на робота, пока отец не прервал его:

– Ну, хватит фантазировать! Завтра пойдёшь в школу и всё узнаешь.

– И ещё будет чистить ботинки, – пробормотал Серёжка из-под одеяла.

А на завтра Сергей уже забыл, что собирается делать робота. После школы он вихрем ворвался в квартиру, бросил в коридоре портфель и, отдуваясь, продекламировал:

«А» и «Б»

Сидели на трубе.

«А» упало, «Б» пропало,

Что осталось на трубе?

– Вот тебе и на! – засмеялся отец. – Наш кибернетик сделал открытие. По-моему, эту задачку изучают в детском саду.

– Хорошо, – сказал Серёжка, – если в детском саду, тогда реши её.

– Да ну тебя, Серёжка, отстань! Мне ещё до самой ночи сидеть над чертежом.

Павел Антонович пошёл было в комнату, но Сергей вцепился в него, как клещ.

– Нет, ты не увиливай! Ты скажи, что осталось на трубе?

– Наверно, «И»? – Отец пожал плечами.

– Вот ты рассуждаешь как раз примитивно, – важно сказал Серёжка. – Предположим, «А» – это трубочист, «Б» – печник. Если они оба свалились, как же могло остаться «И»? Это не предмет, его нельзя потрогать или уронить. – Сергей сделал маленькую паузу и хитро улыбнулся. – Но ты тоже прав. Раз ты не сбросил с трубы «И», ты его заметил. Значит, это слово несёт важную информацию. А именно: оно обозначает тесную связь между объектом «А» и объектом «Б». Хотя это «И» не предмет, оно существует.

– Мудрёно, – сказал Павел Антонович, – но мы, кажется, друг друга поняли.

– А по-моему, всё очень просто, – продолжал сын. – Каж-дая буква, каждое слово, даже вещь, даже ветер или солнце несут свою информацию. Ты, например, читаешь газету и узнаёшь новости. Я решаю задачу, применяю формулы и нахожу ответ. Где-то в море капитан ведёт корабль и смотрит, какие волны, какой ветер. Все мы делаем одно и то же: берём какую-то информацию и работаем.

Из этой «учёной» речи отец сделал неожиданный вывод:

– Значит, если ты приносишь тройку и говоришь «я всё знал», надо верить не твоим словам, а результату, дневнику. Очень муд-рое правило!

– Ну, теперь у меня не будет ни одной тройки, – убеждённо сказал Сергей. – Я буду изучать все машины.

Отец засмеялся, обхватил Серёжку за плечи, закружил по комнате:

– Ах ты, предводитель роботов и государственный человек! Хочешь ужинать? Есть вкус-ный компот.

– Какой компот! Подожди! Я не сказал самого главного. Я ещё не выбрал, кем мне быть: программистом или монтажником?

Они проговорили весь вечер, но так и не решили, что же лучше. Серёжка не знал, кем же ему стать – инженером или математиком? На кого учиться – на вычислителя-программиста или на монтажника этих быстро соображающих машин?

Будь Серёжка монтажником, он бы уже через год стоял в белом халате над чертежами, собственными руками собирал блоки машин – маленькие электронные организмы. Захочет – и научится делать какую угодно машину. Автомат для варки стали, или диспетчер самоходных комбайнов, или справочник для врача. Можно и телевизионный аппарат, который ведёт репортаж из космоса, и со дна океана, и из-под земли.

Одно лишь неудобство смущало Сыроежкина: его белый халат должен быть всегда идеально чист. Любая соринка, пушинка, обыкновенная пыль могли испортить при сборке всю машину. А следить за какими-то пушинками и соринками не в характере Сыроежкина.

Ученики-программисты проводили школьные часы иначе: на доске и на бумаге атаковали уравнения и задачи. Ведь они должны были составлять на языке математики программы работы для тех машин, которые собирали монтажники. Может быть, на первый взгляд это было не так интересно, как рождение всемогущих автоматов, но математики с великим азартом вели сражения. Они ни за что на свете не променяли бы своё оружие – теоремы и формулы – и были очень горды, когда выходили победителями.

Итак, схемы или формулы? Это надо было решить окончательно не сейчас, не сегодня, а осенью. Но Серёжку то и дело раздирали противоречивые желания. Бывали дни, когда в нём вспыхивала страсть к математике, и он часами сидел над учебниками. С гордостью показывал Сергей отцу, как он справился с труднейшими задачами, и они начинали играть, составляя уравнения из самолётов и автомобилей, зверей зоосада и деревьев в лесу.

А потом совершенно незаметно страсть к математике испарялась, и Сыроежкина притягивали, как магнит, двери лабораторий. Выбрав удобный момент, он входил в них вместе с чужим классом, садился в уголке, наблюдал, как возятся с деталями старшие ребята. Поёт-гудит песню счётная машина, горят угольки её глаз, и Сыроежкин чувствует себя хорошо.

После таких увлечений техникой неизбежно бывают неприятности: отец должен расписаться в дневнике. Павел Антонович укоризненно смотрит на сына и качает головой. Сергей отворачивается, внимательно рассматривает книжный шкаф, пожимает плечами:

– Ну, не вышла задача... Что тут такого? Дурацкие пешеходы. Идут, отдыхают, садятся на поезд...

– А теперь ты её решил?

– Решил, – скучно говорит Серёжка. – Вообще не могу я долго возиться с уравнениями... Голова болит.

Но никакие отговорки не помогают, приходится сидеть над задачником. Серёжка читает и перечитывает пять строк о садовнике, собравшем богатый урожай яблок и груш, а сам думает о собаке, которая в темноте долго бежала за ним. Он тихонько свистел ей и всё оглядывался: бежит ли? Собака то трусила следом, то останавливалась, садилась и как-то тоскливо смотрела на Серёжку. У неё был белый треугольник на груди, одно ухо торчком, а второе будто сломано посередине.

У подъезда Серёжка приготовился взять её на руки, но она чего-то испугалась, отскочила и убежала.

Серёжка опять тупо смотрит в задачник, катает по столу ручку. Потом захлопывает книгу, быстро складывает всё в портфель. Он нашёл самое простое решение: «Спишу у Профессора».

Профессор, или Вовка Корольков, – сосед Сыроежкина по парте. Его тетради – хоть сейчас на выставку или в музей: ни клякс, ни исправлений, одни аккуратные мелкие буквочки и цифры. Да и самого хозяина тетрадей можно демонстрировать в музее. Профессор знает про всё на свете, начиная от моллюсков и кончая космосом. Но он не задаётся, никогда не задирает нос перед товарищами. Для него самое главное в жизни – это математика. Увидев какое-нибудь уравнение, Профессор забывает обо всём на свете. Правда, когда Серёжка не может справиться с задачкой, Профессор спускается со своих высот и подсказывает решение. Для этого его нужно как следует толкнуть в бок.

Но особой дружбы между соседями не было. Профессор дружил с Макаром Гусевым, сидевшим на первой парте и заслонявшим остальным добрую четверть доски. Забавная это была пара: худой, бледный, самый маленький в классе Профессор, известный запусками самодельных ракет, разными хитроумными выдумками, и здоровенный, румяный, с кулаками, как дыньки, Макар Гусев. Он, Макар, прославлял своего приятеля, а иногда даже подавал ему неожиданные идеи: предлагал делать лыжи с моторчиком, варить лимонное масло и так далее. У Макара тоже не было никаких сомнений в своём будущем. Когда заходила об этом речь, он демонстрировал свои мышцы и говорил: «Само собой, буду возиться с машинами. Вот у Профессора голова особенная. Пусть он и ломает её. А я чихал на эти премудрости».

Если Профессор был симпатичен Серёжке, то верзила Гусев попортил ему немало крови. Фамилия Серёжки с первой же встречи показалась Макару чересчур забавной и потом просто не давала ему покоя, словно щекотала.

– Привет, Сыроежкин! – басом кричал ещё издали Макар. – Сыр ешь или не ешь?

Если Серёжка отвечал, что он не ест, Макар продолжал:

– Тогда ты должен быть Сыроножкин, Сыроручкин или Сыроушкин!

Сергей пробовал отвечать утвердительно, но и тут Макар не успокаивался и провозглашал:

– Внимание! Идет Сыр Сырыч Сыров, он же Серёжка Сыроежкин, большой знаток и любитель всех сортов сыра во всём мире. Скажите, пожалуйста, что вы ели на завтрак?

И тогда Серёжка решил ничего не говорить и молча поднимался в класс.

Гусев не отставал от него ни на шаг.

– Послушай, как тебя – Сыроглазкин? Я вчера забыл твою фамилию и мучился всю ночь. Сырокошкин? Сыромышкин? Сыросороконожкин?

Иногда Серёжка так злился на приставалу, что был готов его ударить. Но начинать первому не хотелось, а верзила ни с кем не дрался. Оставалось перенять метод у противника. И Серёжка на уроках осторожно водил мелом по спине Макара – ведь она торчала прямо перед ним. Класс посмеивался, созерцая слово «Гусь», а Макар подозрительно оглядывался. На перемене он гонялся за Серёжкой, но поймать более верткого обидчика не мог и издали грозил кулаком-дынькой.

Эти маленькие обиды мгновенно забывались, прекращались короткие потасовки в углах, когда появлялись Виктор Попов и Спартак Неделин из девятого «А». При всём желании нельзя было отыскать в школе такого человека, который бы не знал выдающихся математиков. О них ходили легенды. Мальчишки табуном следовали за знаменитой парой и передавали друг другу новости:

– Ребята, Неделин свалил замечательное неравенство! Все бились – и ничего, а он взял и свалил. А Спартак зато доказал труднейшую теорему!

Знаменитости между тем не обращали на пышную свиту ни малейшего внимания. Они неторопливо прогуливались по залу и загадывали друг другу музыкальные задачки: тихонько насвистывали или напевали мелодии и угадывали композитора. Потом звенел звонок, двери девятого «А» закрывались, и школа ждала новостей.

Новости бывали самые разные:

– Слышали? Неделин весь урок с учителем спорил. Тот доказывает своё, а этот – своё. Так до самого звонка и говорили.

– Хорошо ему, он всё знает. А тут не успеешь спокойно посидеть на месте, как уже тянут к доске.

– Видели, Спартак надел красную майку? Под рубашкой просвечивает. Опять забьёт голы биологам!

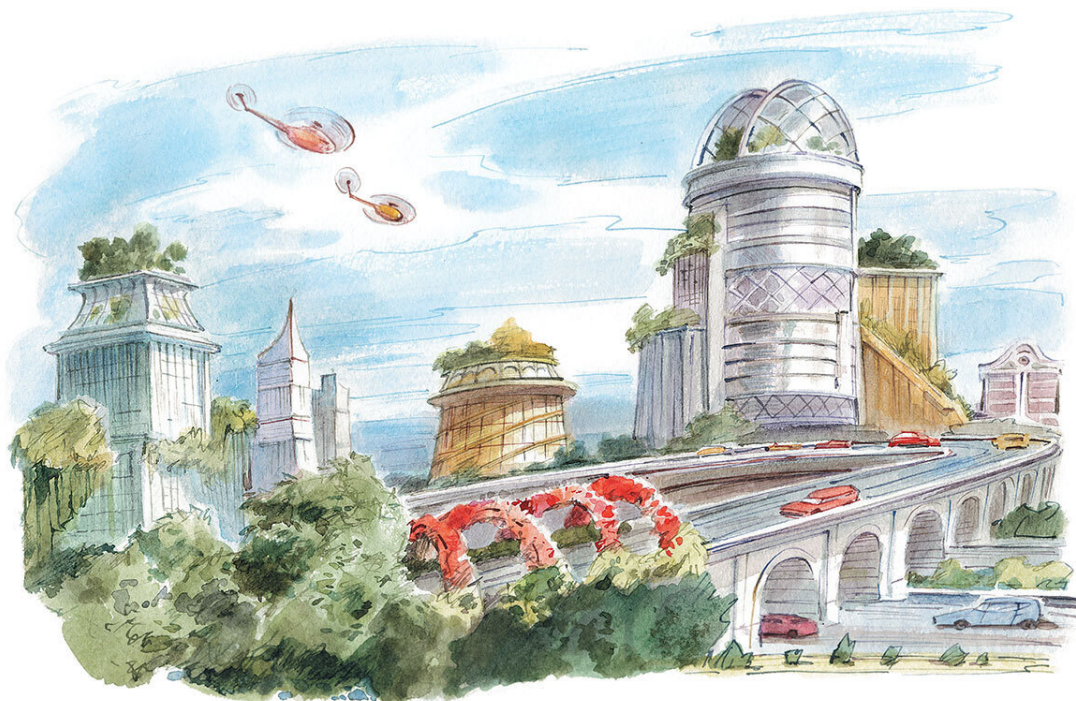
– Ну и что? Там учатся одни девчонки. А ребят – раз-два и обчёлся. И все хилые. Не мудрено их обыграть... Вот Попов скрипку новую купил! Такие концерты закатывает, что все соседи не спят.

– Да я сам живу под Спартаком. На два этажа ниже. Знаешь, как он гремит на рояле! Что твоя скрипка! Рояль на все десять этажей слышно.

– Что ты очки нацепил? Не на Витьку ли Попова хочешь быть похож? Ваш Витька слабак, в футбол не гоняет. Смотри, зачахнешь с этими очками. Лучше грамм здоровья, чем тонна знаний.

– Сам ты слабак! Я делаю зарядку каждый день. И прыгнул дальше тебя!

Как видите, поклонники математики из всех классов разделились на два лагеря. Одни подражали задумчивому, серьёзному Попову, иронически смотрящему на шумные развлечения. Обожатели живого, мускулистого Спартака восхваляли спорт и пытались сочинять стихи, кто знает – лучше или хуже тех, которые Неделин печатал в каждом номере стенгазеты. Единственное, на чём сходились два лагеря, что математика – основа всей жизни.

Сыроежкин, конечно, был сторонником весёлого Спартака, хотя тот и не оказывал ему никаких знаков внимания. А Попова семиклассник сторонился после одного происшествия. Серёжка бежал по коридору, как вдруг резко распахнулась дверь и треснула его по голове. Случайный виновник этого удара – Виктор Попов – был, видимо, занят своими мыслями. Он и не взглянул на пострадавшего, лишь бросил на ходу:

– Эй, малыш, осторожнее!

Тут Серёжка взбесился. Не потому, что получил здоровенную шишку на лбу. Его взбесило само обращение.

– Какой большой нашёлся!.. – процедил он сквозь зубы. – Как дам сейчас по очкам, чтоб смотрел, куда идёшь!

Попов остановился, с удивлением оглядел незнакомую фигуру и неожиданно спросил:

– Эй ты, забияка, скажи мне лучше, что такое «Альджебр и альмукабала»?

Сергей ничего не ответил. Он пошире расставил ноги и сунул руки в карманы брюк.

– Пора бы знать, что это – математическое сочинение девятого века, которое дало название алгебре. – Попов глядел на забияку с явной иронией. – И между прочим, молодой человек, профессора, которые навещают нашу школу, называют меня коллегой. Слышал? Коллегой.

На этом, собственно, столкновение кончилось.

Витька Попов давным-давно всё забыл.

А Сыроежкин помнил. И быть может, именно после того случая он придумал такую историю.

Вот он через два года – никому не известный девятиклассник – приходит в университет на математическую олимпиаду. Берёт лист бумаги, читает условия задач. Десять минут – и он подаёт комиссии исписанный листок. В зале скрипят всю перья, но он удаляется, даже не оглянувшись. Комиссия читает его работу и дивится: «Кто такой этот Сыроежкин? Никогда не посещал математических кружков, не присутствовал на заседаниях секции и так легко, играючи нашёл свои остроумные решения. Даже странно, что для него не существует неразрешённых задач...»

А на другой день повесят плакат:

«Первое место занял ученик девятого класса Сергей Сыроежкин. Почёт и слава!..»

Витька Попов узнаёт об этом и протягивает руку примирения: «Извини, коллега. Такие задачи не мог решить даже я...»

А что? Разве не может так быть? Серёжка читал в одной книге, что знаменитая теорема Стокса появилась на свет, когда Стокс был студентом и отвечал на экзамене самому Максвеллу. С тех пор теорема носит его имя. И теорема Релея доказана тоже на экзамене. Так почему же не может быть открыта когда-нибудь теорема Сыроежкина?..

Но чаще всего, когда Сергей задумывается, кем ему быть, мысли его скачут в полном беспорядке, и он удивляется своему непостоянству.

«Почему ни с того ни с сего я начинаю думать про Антарктиду, про марки Мадагаскара и забываю, что надо идти в школу? – философствует в такие минуты Сыроежкин. – Я могу думать или не думать, учиться или лениться, делать что-нибудь или совсем ничего не делать. Почему, если я захочу, всё выходит быстро и хорошо – и уроки, и уборка дома, и кросс. Захочу – и не буду ни математиком, ни инженером, а буду шофёром, или геологом, или, как отец и мать, конструктором. На уроках географии меня так и тянет уехать на Север, работать там на заводе и отдыхать в стеклянном санатории. А на истории – раскапывать скифские курганы, искать стрелы, щиты, копья и разгадывать древние пергаменты. И конечно, всегда хочется быть космонавтом!.. Почему я такой, что сам себя не могу понять?»

И Серёжка спрашивает отца:

– Пап, а как ты узнал, что хочешь быть конструктором?

Он спрашивает это, наверно, в сотый раз, хотя заранее знает всё: как отец окончил школу, потом работал шофёром на сибирской стройке – водил здоровенные самосвалы, потом посту-

пил в автостроительный и там встретил маму. И пока Павел Антонович – наверно, в сотый раз – с удовольствием вспоминает молодость, Серёжка думает о своём:

«Почему-то раньше всё было просто. Люди знали, кем они хотят быть, на кого надо учиться. А тут стоишь, как Илья Муромец перед камнем, и не знаешь: налево пойдёшь, направо пойдёшь или прямо пойдёшь? Даже тоска берёт...»

И он опять вспомнил ту самую собаку, которая бежала за ним в темноте. Так долго бежала, и на тебе – только он хотел подобрать её, принести домой, как она удрала. Чего она, глупая, испугалась?

– О чём ты думаешь? – спрашивает отец, прервав свой рассказ.

– Пап, а собака – умное существо? Она понимает, что ей говоришь?

– По-моему, понимает. Когда слушается, то понимает.

– А как понять человеку, что она чувствует?

– Наверно, надо научить её говорить, – шутит отец.

– Пап, ты больше не рассказывай. Я всё уже вспомнил, что было дальше... Пап, я твёрдо решил: я буду ветеринаром.

– Ну, как знаешь! – Павел Антонович пожимает плечами и уходит из комнаты.

Обиделся, что ли?

– А ветеринар – неплохая специальность! – кричит за стенкой отец.

Нет, не обиделся.

Павел Антонович возвращается с томом энциклопедии.

– Сейчас мы прочтём о ветеринарах, – говорит он.

«Неплохая! – про себя усмехается Сергей, пока отец читает вслух энциклопедию. – Лечить всяких кошек да коров. Ну и занятие!.. Ничего они не понимают, эти взрослые. Скажешь что-нибудь нечаянно, а они уже развивают. А что хочется узнать на самом деле, так они этого не знают. Да и откуда им знать, как понимать собачьи чувства!.. Что же всё-таки хотела та бездомная дворняга? Почему она убежала?»

Кто он, чемпион?

В воскресенье Сыроежкин встал рано. Не потому, что у него были неотложные дела. Просто утро выдалось настолько яркое, свежее после ночного дождика, что было бы глупо валяться в постели. В такое утро всегда чувствуешь, что случится что-то радостное или необыкновенное: ведь день будет длинным-предлинным и очень далёк тот час, когда позовут спать.

В соседней комнате было тихо, и Серёжка хотел незаметно ускользнуть из дома. Как можно осторожнее взялся он за тугой замок, но тот всё же предательски щелкнул.

– Серёжа! – Это мама зовёт из соседней комнаты. Услышала.

– Чего?

– Сходи, пожалуйста, за хлебом. И не опаздывай на зарядку.

Зарядка бывает в восемь. Звучит горн. На футбольном поле стоит человек в красной майке. Это мастер спорта Акулышин, он живёт на третьем этаже. Стоит и ждёт, когда сбегутся ребята из всех подъездов. Потом пробежка, прыжки и игра в мяч. Как видите, зарядка совсем не скучная, и Серёжка не собирается увиливать. А вот хлеб – это уже обязанность. Зачем ходить за ним, когда можно заказать на дом? Мама говорит так: из воспитательных целей, чтобы он, Серёжка, не разлеился.

– Две булки?

– Ну конечно. Ты же знаешь, – слышится из-за двери.

– Сейчас выясним, одну минуточку! – громко говорит Сергей и усмехается, представив недоумённые лица родителей.

Он берёт телефонную трубку, набирает три нуля подряд:

– Алло, справочное? Где я могу купить две свежие городские булки?

– Где вы живёте? – бесстрастно спрашивает автомат.

– Липовая аллея, дом пять.

После нескольких секунд молчания автомат тем же тоном произносит:

– В вашем доме есть булочная.

– Спасибо, что напомнили, – еле сдерживая смех, отвечает Сыроежкин.

– Что он сказал? – кричит отец.

– Что булки ещё горячие! И чтоб вы не опаздывали на гимнастику.

– А мы ни разу не опоздали! – хором отзываются родители и смеются над шуткой Серёжки.

Верно, на эту гимнастику все взрослые идут охотно, даже пенсионеры. Поднимаются в лифтах на десятый этаж и выходят на крышу. Там – как во дворе: цветы, кусты, а посередине площадки и спортивные снаряды. Пенсионеры, конечно, на кольцах не подтягиваются, только приседают да машут руками. Зато Серёжкин отец здорово крутит «солнце» на турнике и забрасывает в кольцо баскетбольный мяч.

В такую рань во дворе не было ни души. Поболтать было не с кем, поэтому Сыроежкин решил идти в самую дальнюю булочную: может, кого-нибудь встретит или увидит что-нибудь интересное...

Серёжка медленно вышагивал под тенистыми липами. Со стороны можно было подумать, что он погружён в свои мысли. Но это не так. Он играл: шёл по знакомой улице, а видел её совсем новой. Вот посажены деревья, вчера их ещё не было. Тоненькие, совсем палочки, и без листьев. Но ничего, скоро они наберут силу, зашумят на ветру... А вот бульдозеры наворотили кучу земли – ровняют площадку. Пока вал не убрали, здесь удобно прятаться... Где-то слышен гул мотора. Надо закрыть глаза и угадать: обычная машина или воздушная? Надо быстрее угадать, пока шум неразборчивый. А потом проверить себя и помахать вертолёту с пашечками на боку.

Внизу, за рекой, видна чаша стадиона. Серёжка смотрит на неё, но видит не стадион, а каменные стены римского Колизея. Сейчас он не семиклассник школы кибернетиков, он – отважный гладиатор; на нём не штаны и куртка, а железные доспехи. Рычат в подземелье дикие звери. Он должен схватиться с тиграми и львами и поразить их своим мечом, чтобы остаться живым. И он чувствует тоску, как тот гладиатор, который каждый день выходил на арену рисковать жизнью...

Нет, пусть лучше будет стадион не Колизеем, а синхрофазотроном! Да, да, такой он и есть, синхрофазотрон, самая большая в мире машина – круглая, как цирк, громада. Внутри неё носятся частицы, из которых состоит атомное ядро. Конечно, эти частицы ни за что не увидишь простым глазом. Будь атом размером с футбольное поле, его ядро станет просто мячом. Только вчера Сергей слышал об этом на уроке физики. Но сейчас он не просто Сергей, он – физик. Вот он берёт фотопластинки, простреленные частицами, и под микроскопом видит следы, похожие на яркие, пушистые звёзды. И начинает размышлять: «Чьи же это следы?.. Какая частица пролетела? Гм, гм, загадочно...»

Вдруг ударяет ему в глаза солнечный луч, и он забывает, что минуту назад был физиком. Темнеют вдалеке стены Кремля, и их охраняет на высоком берегу стрелец Сыроежкин. Идёт высокий старик с палкой. Да это сам Иван Грозный! Какой приказ отдаст он своему воину?

Грозный остановился и спокойно спросил:

– Скажи-ка, дружище, как пройти к магазину «Миллион мелочей»?

– Н-не знаю, – растерянно пролепетал Серёжка. – То есть что я!.. Знаю! Прямо, прямо и налево.

– Спасибо, – сказал, ничуть не удивившись, старик. И пошёл. Медленно. Спокойно. Но уже совсем не как Иван Грозный.

Две булки были куплены в конце Липовой аллеи. На обратном пути, чтоб скоротать время, Сергей играл в вывески. Казалось бы, что тут такого: прочти вывеску наоборот – вот и вся премудрость. Но при этом получаются такие странные слова, словно ты очутился в другом мире.

Акетпа. Монортсаг. Актсичмийх

Тьфу ты, язык можно сломать!

Серёжка стал вспоминать фильм, который он видел совсем недавно. Очень интересный фильм. «Встреча миров». Про антимир. Начинается с того, как ракета с Земли подлетает к таинственной планете и пускает на разведку летающего робота. Тот начинает спускаться и неожиданно взрывается, словно атомная бомба. Оказывается, этот антимир устроен совсем наоборот, чем Земля, Солнце и вообще Галактика: и планета, и её жители, и всё-всё остальное состоит там из античастиц – частиц с противоположными зарядами. Потому странный мир и называют «анти», то есть «против». Это открыли космонавты, которые прилетели с Земли. «У нас электрон отрицательный, – говорит командир ракеты, – а у них положительный. Стоит только нашим и их частицам столкнуться, как происходит взрыв...» В самом деле, занятный этот антимир: брось туда простой камень – взрыв, брось палку – взрыв, урони что-нибудь случайно с ракеты – снова взрыв. Но пока космонавты, которые в кино, догадались, куда они прилетели, разгорелась настоящая война. Все в зале сидели не шевелясь. Нервы у всех напряжены – так здорово закручено в картину.

И вот что ещё интересно, почему он и вспомнил про этот фильм. В антимире всё наоборот, даже право и лево: там, где у нас лево, у них право. Жаль, что города антимирян показывали только с высоты. Не разберёшь, есть ли у них вывески. А так здания вполне современные, похожие на пластмассовые шары. И если у них всё-таки есть вывески, то они читаются справа налево...

Сергей остановился, поражённый своим открытием. Он взглянул на вывески и торжественно произнёс, будто читал заклинание:

РОФРАФ. МОНОРТСАГ

Всё вокруг него мгновенно изменилось. Он стоял на антиземле, читал антивывески и смотрел в холодное стекло антивитрины. А из стекла на Серёжку глядел античеловек. Волосы зачёсаны справа налево, карман с пуговицей – слева, а часы – на правой руке.

– Привет! – сказал Сыроежкин. – Я знаю, кто ты такой. Ты не просто моё отражение, а ты – Ажёрес. Сейчас я опаздываю на зарядку, но в другой раз мы с тобой обязательно потолкуем. Будь здоров, Ажёрес!

Сергей, махнув рукой на прощание и получив ответный жест, побежал домой.

– Конечно, это я перехватил, что обещал с ним потолковать, – бормотал он, вернувшись из антимира на Липовую аллею. – И всё-таки здорово, что я встретил античеловека. Почти античеловека, – добавил он, подумав. – Во всяком случае, даю голову на отсечение, что сердце у него с правой стороны...

Во дворе на футбольном поле резвились малыши. Всё ясно: зарядку он пропустил. Совсем неплохо было бы побегать с мячом, но что поделаешь, его задержал не кто-нибудь, а античеловек! И Серёжка, как только свернул за угол, понял, что это открытие принесёт ему славу. У крайнего подъезда он заметил ребят. Раз собрались, значит, что-то обсуждают или меняются ценностями.

Так и есть: слушают Витьку Смирнова. Тот стоит с гордым видом – нос кверху, волосы растрёпанные.

– Ребята! – сказал Серёжка. – Я только что видел античеловека!

В одно мгновение Смирнов оказался в полном одиночестве, ребята окружили Сыроежкина. Ему пришлось несколько раз повторять, как он читал вывески наоборот, как вспомнил про антимир из фильма и заметил в витрине Ажёреса. Оказалось, все видели «Встречу миров», и все заметили, что в антимире наоборот лево и право, но никто даже не догадывался, что совсем рядом, буквально в двух шагах, можно отыскать нечто похожее на античеловека.

Открытие требовало немедленной проверки, и потому компания помчалась на улицу читать вывески по методу Сыроежкина и кривляться в витринах. А Серёжка поплёлся домой: в тот самый момент, когда он светился в лучах славы, его окликнули с балкона.

Он безропотно выслушал упреки матери, проглотил свой завтрак, отказался кататься по реке на крылатом теплоходе и оживился лишь тогда, когда решил, что обязательно станет физиком и будет изучать антимир.

Но где находится этот антимир? Где его изучать – на Земле или обязательно лететь в космос? И как далеко туда лететь, и какая нужна ракета, и как избежать взрыва?.. Десятки вопросов закружились в голове Серёжки. Все они требовали немедленного обсуждения. И Сергей побежал к Вовке Королькову, который всё знал.

«Наверно, там с утра торчит Макар Гусев, – подумал Серёжка. – А с ним никакого разговора не получится. Одни только глупости. Как бы избавиться от Гуся?»

На всякий случай Сыроежкин прибегнул к мысленному внушению.

– Гусак, сиди дома! Гусак, сиди дома! – твердил он, поднимаясь по лестнице в соседнем подъезде.

Точно! Предчувствие не обмануло Сыроежкина: Гусак был тут как тут. Он возился на площадке с трубой, обклеенной чёрной бумагой. Увидев одноклассника, Гусев широко улыбнулся и сказал:

– А-а, Сыроежкин, привет! Видишь трубу? Телескоп. Увеличивает в тридцать раз. Наше с Профессором изобретение. Хочешь, Сыроежкин, первым увидеть звёздное небо?

– А где Профессор? – деловито спросил Серёжа.

– Сейчас придёт. Ты смотри, пока труба свободная.

Конечно, в яркий, солнечный день никаких звёзд увидеть было нельзя. Но Серёжа все же нагнулся, прильнул к круглому глазку. Его обожгло, ослепило солнце. Огненные копыя словно проткнули глаз. Растерянно моргая, вытирая ладонью катившиеся слёзы, стоял Сергей у окна. Он хотел поддать ногой телескоп, но пожалел труд Профессора.

– Ну, что ты там увидел? – ехидно спросил Гусев.

– Такого болвана, как ты! – в сердцах сказал Серёжка и побежал по лестнице. – Такого гуся лапчатого, как ты! – кричал он на бегу. – Нет, гусака! Толстого, очень противного гусака!

Макар не погнался за ним. Он только высунулся из окна и рявкнул:

– Я тебе покажу гусака! Лучше не попадайся!

Солнце светило ласково. Остро, душисто пахло молодой зеленью. Но мир казался Серёжке серым, недобрым. Ему было горько, обидно. Он шёл и думал: как отомстить верзиле, этому здоровенному, полному коварства Гусаку?

Сыроежкин строил планы мести и один за другим отвергал их. Лассо, которым можно заарканить и привязать врага к дереву, нападение в темноте, даже помощь приятелей – десять крепких кулаков – всё это Сергею не нравилось. Оставалось найти чудодейственные капли, удесятеляющие силы человека, и вызвать обидчика на бой. Но где достанешь их рецепт?

Неожиданно сильные руки схватили Серёжку и подняли высоко вверх!

– Вот он! – закричал кто-то оглушительно громко. – Качай его!

Серёжка очнулся. Он увидел флаги, спортсменов в ярких майках и бьющие в глаза белые буквы на красном полотне: ФИНИШ. Какие-то люди несли Серёжку, подняв над толпой, и кричали:

– Нашли! Нашли! Вот он – чемпион!

Толпа оборачивалась, расступалась, разглядывала Сыроежкина, а он только хлопал ресницами и вертел головой.

Кто-то схватил его за руку, подержал, шагая рядом, и удивлённо сказал:

– Пульс нормальный! Не сердце, а часы!

– Он не запыхался! – восторженно подхватил другой болельщик. – Лёгкие – как кузнечные мехи!

– Чемпион... Чемпион... – повторяли все вокруг.

Серёжку поставили перед высоким крепким человеком в белом костюме с алой повязкой на рукаве.

– Как тебя зовут, мальчик?

- Сергей Сыроежкин, – удивлённо сказал неожиданный чемпион.
- Где ты живёшь? Где учишься?
- На Липовой аллее. В школе кибернетиков.
- Товарищи! – закричал судья в белом костюме. – Неизвестный бегун – Сергей Сыроежкин! Он живёт здесь, в Октябрьском районе!
- Толпа загудела.
- Молодец, – сказал судья Сыроежкину. – Поздравляю!
- А за что? – удивлённо спросил Сергей.

– Молодец, – повторил судья. – Никогда не надо задаваться. А завтра приходи в пять часов на стадион в секцию лёгкой атлетики. Вот. – Он достал блокнот, оторвал листок и что-то быстро написал. – Здесь адрес и моё имя. Приходи обязательно. Талант надо развивать.

Он повернулся к другим судьям:

– Я думаю, можно засчитать бег Сыроежкина.

– А я протестую! – резко ответил судья в тренировочном костюме. – Сыроежкина нет в списках команды.

– Считать! Считать! Считать! – загалдели болельщики. – Он из нашего района!

Судьи стали спорить, а Серёжка тихо отошёл в сторону, сжимая в руке листок. Чемпиона дружески хлопали по плечу, ему говорили бодрые слова, кто-то сунул ему мороженое. На него дивились, как на чудо.

А чуду было очень неловко. Чудо всё ещё ничего не понимало. Чудо выбрало в шумной толпе спокойного толстяка с палкой и робко спросило:

– А что случилось?

– Нет, вы только посмотрите на него! – громко сказал толстяк, напугав Серёжку. Бежать было некуда: вокруг уже стояли плотным кольцом болельщики. – Он даже не понимает, что натворил, – продолжал толстяк, стуча об асфальт палкой. – Талантлив и чист душой!.. Так вот, – человек наклонился к Серёжке, – наш район проигрывал эстафету соседям. Мы уже решили, что дело конченное. Оставался последний этап в четыреста метров. Наш стоит, ждёт палочку, а соперник уже бежит, только пятки мелькают. Как вдруг, откуда ни возьмись, – ты! Вырвал у нашего недотёпы палочку, догнал первого, перегнал его, разорвал ленточку и исчез. Просто удача, что ты живёшь в нашем районе. – Человек вдруг взмахнул палкой и заголосил: – Засчитать Сыроежкина!

– Засчитать!!! – подхватили стоявшие вокруг люди.

Серёжка сунул листок в карман, незаметно выбрался из толпы и бросился со всех ног прочь. Он не понимал, почему бежит от ярких флагов и шумных болельщиков, не подошёл к главному судье и не объяснил ошибку. Все происшествия утра – решимость стать физиком, удар солнца в глаза, жажда мести, неожиданная слава – всё смешалось в голове Серёжки и гнало его вперёд. Пожалуй, теперь он на самом деле мог поставить рекорд. Только сердце кололось, как бешеный маятник, а из лёгких вырывался какой-то странный свист.

Он выскочил на обрывистый берег реки, упал на траву и долго лежал неподвижно, с закрытыми глазами, слушая удары в груди, ловя ртом воздух. Отдышался, перевернулся на живот и заметил недалеко в кустах синюю куртку. Куртка как куртка, обыкновенная куртка. И всё же что-то в этой куртке беспокоило Сыроежкина. Что-то чёрное, маленькое, блестящее торчало из-под синей куртки. Серёжка посмотрел внимательнее и вытаращил глаза: это была небольшая электрическая вилка для включения в сеть.

Сергей никогда ещё не видел курток, из-под которых высовываются такие необыкновенные хвосты. Поэтому он тихонько подполз к кусту, осторожно взял вилку и потянул к себе. Куртка вздрогнула, зашевелилась. Из куста прямо на Серёжку вылез очень знакомый мальчишка.

Нет, совсем незнакомый! Это был кто-то чужой. Но этот «кто-то» был вылитый Сыроежкин. Сергей посмотрел на него широко открытыми глазами, и ему казалось, что это он сам вылез сейчас из куста и дивится на забияку, дёрнувшего его за куртку. А мальчик в синей куртке, живой двойник Серёжки, тоже замер и смотрел в глаза Сыроежкину. На лице его ничего не отражалось – ни удивления, ни улыбки. Оно было совершенно спокойным.

– Это твой штепсель, то есть вилка? – наконец сказал, приходя в себя, Сергей.

– Да, – отозвался мальчик в синей куртке немного скрипучим голосом.

– А зачем она тебе? – опять спросил Сергей и услышал странный ответ:

– Я питаюсь электроэнергией.

- Ты... – Сергей помедлил. – Ты... робот?
- Нет, я Электроник, – так же спокойно произнёс мальчик.
- Но ведь ты не человек?
- Да, я не человек.

Они сидели на траве совсем рядом и молчали. Серёжка незаметно рассматривал своего соседа. «Ну и пусть, что у него провод с вилкой, – думал Сергей. – Зато с ним можно говорить спокойно, по-человечески, не то что с Гусаком...»

И вдруг Серёжку осенило.

- Послушай, это ты бежал так быстро и обогнал всех? – волнуясь, спросил он.
- Я.
- Ты знаешь, мы с тобой очень похожи...
- Такое совпадение обусловлено математическими законами, – объяснил мальчик в синей куртке, и Серёжку сразу успокоила его рассудительность.
- И ты это заметил?
- Да, заметил.
- Ты знаешь, меня приняли за тебя. А настоящий чемпион – это ты!
- Может быть, я чемпион, – согласился собеседник Серёжки. – Но я совсем не хотел этого.
- Не хотел? Вот чудак!
- Ноги несли меня вперёд, – продолжал странный мальчик, – я не мог остановиться. Поэтому, скорее всего, я не чемпион.

Тут Серёжка вскочил, стал рассказывать, как спорили судьи, как его качали и несли на руках. Мальчик в синей куртке тоже встал и внимательно смотрел на Сыроежкина. Его лицо было по-прежнему спокойным и неподвижным. Нет, он не завидовал неожиданной славе Серёжки, совсем не завидовал.

- Я никогда не видел, чтоб кто-нибудь бежал так быстро! – восторгался Сыроежкин. – Если б судьи не ушли, я бы привёл тебя и сказал: вот кто установил мировой рекорд! Электроник! А я-то просто Сыроежкин...
- Сыроежкин? – скрипуче спросил Электроник.
- Ах да!.. Мы ещё не познакомились. – Сергей протянул руку. – Зови меня Серёжкой.
- Серёжка Сыроежкин, – медленно повторил, словно запоминая, Электроник. Его правая рука осторожно взяла пальцы Сыроежкина и сжала их так сильно, что Серёжка вскрикнул.
- Извини, Серёжка. – Электроник посмотрел на свою ладонь. – У меня запрограммировано, что с такой силой надо жать руку друга.
- Сергей, приплясывая, дул на пальцы. Он ничуть не обиделся.
- Ничего! Это очень даже здорово! Ты не уменьшай силу. Она нам ещё пригодится... Расскажи о себе. Ты здесь живёшь?
- Нет, только сегодня приехал.
- Тогда я покажу тебе город! – обрадовался Сергей. – Сперва пойдём в парк, купим мороженое и съедим по четыре штуки.

– Я ничего не ем, – сказал Электроник.

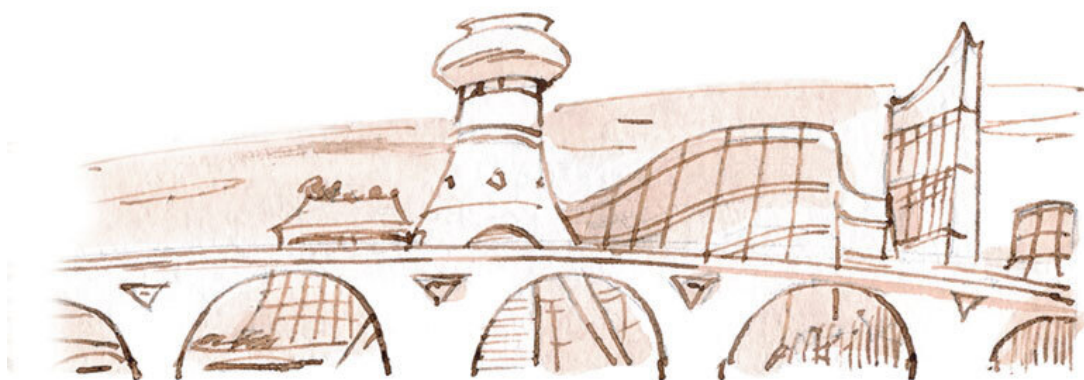
– Совсем забыл! – Серёжка махнул рукой и от души пожалел приятеля: – Не повезло тебе. Мороженое куда вкуснее электрического тока! Я могу клубничного сразу четыре штуки проглотить!

– Я тоже глотал. Предметы... Когда показывал фокусы, – уточнил Электроник.

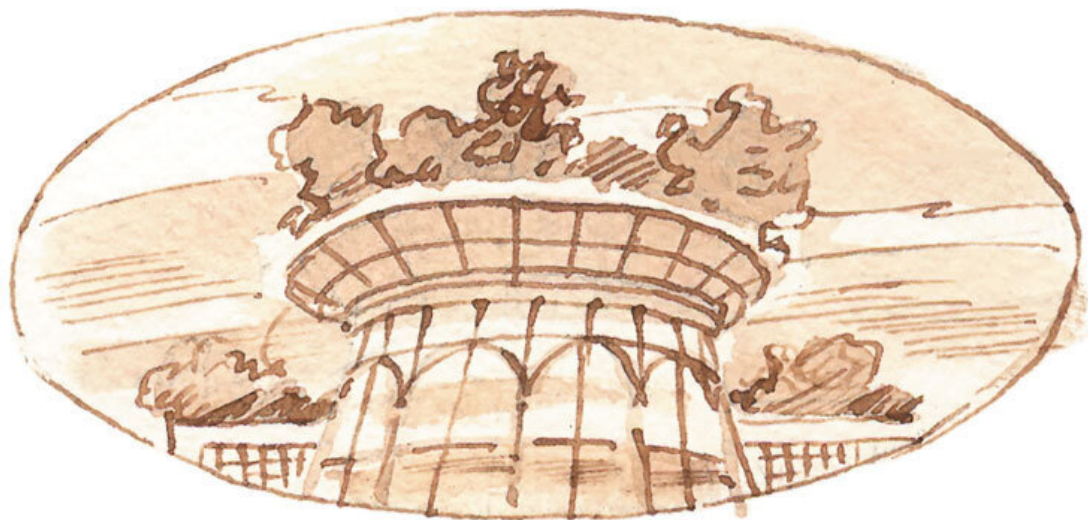
– Фокусы? Здорово! Обязательно мне покажешь!

– Хорошо. Покажу.

Так, весело болтая, шли они к парку. И все встречные оглядывались им вслед: не на каждом шагу встречаются такие похожие близнецы.

Фокусник всех времён

Вот они входят в парк. Их встречают румяный Клоун, Учёный чудака и забавный Марсианин на ходулях. Им вручают маски золотой лучистой звезды и страшного медведя, в их честь гремит весёлый марш, носится по орбите знаменитый спутник «Биббип» и взлетают в небо маленькие ракеты. В парке карнавал, сегодня всем весело, все смеются. И Серёжка хохочет под маской страшного медведя, хватая за руку золотую улыбчатую звезду, и они бегут к «чёртову колесу». А потом взлетают вверх, падают вниз, вертятся, вертятся и смотрят с вышины на город. И ещё кружатся на карусели, делают мёртвые петли в самолётах, взлетают и приземляются в космическом корабле. Всё время вместе – Серёжка и Электроник. Всё время рядом – Электроник и Серёжка.

А на маленькой сцене идёт концерт. Стоит на самом краю тонкая девочка, вся в голубом, с ног до головы, даже шары в руке голубые, и поёт песню:

Шары, шары,
Мои голубые шары,
Летите, шары,
Несите, шары,
Мечты моей порыв
Далеко, далеко,
Дальше крыш...

Почему вдруг умолк Серёжка? Почему он стоит совсем тихо и смотрит не на Электроника, а на голубую девочку? Почему он не хлопает, как все?

Выходит на сцену конференсье и говорит:

– Сегодня дают концерт зрители. Вы только что слышали песню, которую сочинила сама певица. Свои песни, своё исполнение! Прошу не стесняться!.. И так, акробатический этюд покажут братья Самоваровы.

Почему Серёжка не смотрит на акробатов Самоваровых? Почему он вытянул шею и наблюдает, как садится голубая девочка в первом ряду? Почему тянет Электроника к эстраде?

– Электроник, – прошептал Серёжка другу, – прошу тебя, выступи. Покажи фокусы.

– Я не знаю... – неуверенно сказал Электроник.

– Ну, милый, ну, Электроша, ну, продемонстрируй! Фокусы, понимаешь, фокусы! Все сразу развеселятся, тебе будут хлопать, и я – громче всех.

– Я покажу фокусы, – согласился Электроник и пошёл вместе с другом за кулисы.

Серёжка тронул за плечо конференсье и стал ему объяснять, показывая на маску золотой звезды:

– Эта маска – мой друг. Он замечательный фокусник. Я его просил, он согласился выступать.

Конферансье стоял и кивал головой: он понял всё с полуслова.

– Как тебя объявить? – спросил он Электроника.

– Объявите просто, – сказала скрипучим голосом маска. – Выступает величайший фокусник всех времён и народов, который выступал когда-либо, выступает ныне или будет выступать.

Серёжка улыбнулся: «Ну и Электроник! Настоящий цирковой артист. Совсем не стесняется. И фокусы у него, наверно, замечательные».

А конферансье подумал: «Ого! Вот это скромность!» Но он вышел и объявил так, как было сказано. Чутье подсказывало ему, что в случае провала величайшего фокусника зрители примут всё за шутку.

– Сейчас ты им покажешь! – тихо сказал Серёжка Электронику, поглядывая сквозь прорези своей маски на голубую девочку в первом ряду. – Я чувствую, что ты не только лучший в мире бегун, но и отчаянный фокусник. Сними-ка, Электроник, маску. Пусть тебя видят все!

– Сейчас я им всё покажу, – невозмутимо подтвердил Электроник и послушно снял маску.

Фокусник вышел на сцену и поднял руки. Все сначала смотрели на руку и только потом увидели, что электрический рояль тронулся с места и, скрипя колёсиками, покатился за кулисы.

– Ерунда! – громко сказал мальчишка из первого ряда. – Привязали верёвку и тянут.

Но у конферансье, стоявшего за кулисами, округлились глаза: он видел, точно видел, что никто не тянет рояль! Рояль катился сам и отчаянно скрипел колёсиками. Фокусник опустил руку, и рояль остановился. А голубая девочка приподнялась со своего места, чтобы видеть, что будет дальше.

Неожиданно для зрителей фокусник сделал сальто-мортале, и по сцене запрыгали тонкие серебристые кольца. Они подскакивали с приятным звоном и так ярко блестели, что зрители щурили глаза.

Тихо и плавно вступил оркестр. Фокусник повёл рукой, и кольца покатались по сцене, сделали круг, потом другой, третий. И вот, звеня и искрясь, они уже раскатились в разные стороны и закружились, словно цирковые лошадки. А фокусник даже не смотрел на них, закрыл глаза, уверенный, что все кольца послушны плавным движениям его рук, что они крутятся волчком, замирают на месте, скачут вверх и вниз и ни одно не упадёт.

Зрители аплодируют, заглушая оркестр, и громче всех – маска медведя. Серёжка был восхищен. Что за чудо его друг! Он видел, как замерла голубая девочка. Какие у неё большие грустные глаза... Вот она улыбнулась! Молодец Электроник! И он, Серёжка, тоже молодец: сразу догадался, что Электроник замечательный фокусник. Если случится, что они познакомятся, он так и представится: друг фокусника.

– Всё понятно, – глубокомысленно вымолвил всезнающий мальчишка из первого ряда. – У него в рукаве электромагнит. Притягивает и отталкивает. Чудес на свете не бывает.

Бывают. Но рано или поздно они кончаются. И всем было очень жаль, что кольца внезапно исчезли. Кольца скатились все вместе, фокусник повернулся на мгновение к зрителям спиной – и вот уже ничего нет. Лишь конферансье заметил, что кольца разом подпрыгнули и оказались у фокусника на руке, словно браслеты.

А фокусник уже берёт у кого-то из публики сигарету, прикуривает, благодарит и выдувает большой клуб дыма. Пушистое облачко летит к первому ряду.

– Он курит! – возмутилась какая-то женщина.

– Это понарошку, это фокус, – успокоил её сосед.

Серёжка смотрит с недоумением на сигарету в руке друга, но в это время из дыма в публику посыпались разноцветные платки. Красные, голубые, жёлтые, зелёные, белые... Все вскочили, захлопали, засмеялись, стали ловить платки. А Электроник пускал и пускал круглые белые облачка. Они, как маленькие ядра, летели во все ряды, сея дождь весёлых парашютов, которые брались неизвестно откуда.

Но вот шум стих, зрители уселись на места. Фокусник поклонился и хрипло сказал:

– Предметы! Давайте мне предметы.

Вскочил паренёк и мигом собрал в шляпу часы, авторучки, расчёски, кошельки. Зал затих. Шляпу с предметами вручили фокуснику.

– Ап! – крикнул фокусник и на глазах у всех проглотил ручные часы с жёлтым ремешком. – Ап!.. Ап!.. Ап!..

И за жёлтым ремешком последовали другие предметы из шляпы. Часы фокусник глотал легко и непринуждённо, словно вишни или сливы. Он втягивал в себя с присвистом длинные авторучки, расчёски и, не раздумывая, отправлял в рот кошельки. Только и слышалось:

– Ап!.. Ап!.. Ап!..

Зрители замерли. Стояла напряжённая тишина.

– Всё, – спокойно сказал фокусник и поклонился. Раздались жидкие аплодисменты. Зрители ждали продолжения. А фокусник пошёл к кулисам.

– Эй, дружище! – крикнули из рядов. – А часы-то не забудь отдать!

И тут все вскочили. Фокусник прыгнул со сцены, подбежал к забору и, сделав гигантский прыжок, перемахнул через него. Зрители бросились за ним. Они, конечно, не знали, что фокусник бежит не по своей воле: его, как и утром, неожиданно погнало вперёд сильное напряжение электрического тока, включённого рассеянным профессором. Зрители ничего не знали о фокуснике, они бежали за своими вещами. Но догнать мальчишку не могли.

Конферансье растерянно оглядывался. Друг фокусника в маске медведя тоже исчез. На стуле лежала лишь забытая картонная звезда.

– Я говорил, что жулик! – восхищённо кричал мальчишка из первого ряда. – Знаем мы этих фокусников! Не догнали? Ха-ха!

А голубая девочка спокойно стояла среди суматохи и разглядывала прозрачный платок. На нём была забавная мордочка со вздёрнутым носом и непонятное слово: «Электроник».

Всё об электронике

Александр Сергеевич Светловидов, учёный-кибернетик, сидел в гостинице и ждал профессора. Из путаных объяснений директора и горничной он не мог представить, что произошло здесь за те полчаса, пока он ехал от института до «Дубков». Чемодан, который с трудом принесли четыре человека, стоял пустой. Куда девалось содержимое?

Светловидов вспомнил, что профессор в разговоре упоминал про сюрприз. Но что это за сюрприз, который исчезает из комнаты на втором этаже, миновав дверь?

Гость несколько раз выходил на улицу, прогуливался у подъезда. Наконец поднялся в номер, уселся в кресло, решил ждать здесь. Иногда он вскакивал, подходил к зеркалу, придирчиво осматривал узел на галстук и не упускал случая покритиковать себя.

«Ну кто скажет, глядя на это молодое лицо и румяные щёки, – иронизировал над собой Светловидов, – что перед ним без пяти минут доктор наук! Нет, товарищ Светловидов, ни парадный костюм, ни строгий пробор, ни даже эти маленькие усы не придают вам солидной внешности. Предположим, что Гель Иванович Громов увлечён своими мыслями и меньше всего обращает внимание на возраст собеседника. Но он ведь может легко установить, как мало оригинальных идей рождается в этой голове... Если бы коэффициент её полезного действия был равен хоть одной сотой профессорского!.. Однако это уже зависть. Хватит философствовать! – остановил себя критик. – Сядем и постараемся вычислить, учитывая все обстоятельства происшествия, когда вернётся профессор».

Светловидов любил профессора Громова. От него всегда уходишь с запасом лучших чувств и мыслей. И долго потом вспоминаешь добродушный, по-детски азартный смех, грустно-весёлый взгляд и забавные клубы дыма, вылетающие из длинной профессорской трубки.

Кибернетики и физиологи иногда спорили из-за Громова. И те и другие считали профессора специалистом в своей области. Но эти маленькие разногласия были несущественны. Громов охотно отдавал себя обеим наукам, которые, кстати говоря, тесно сотрудничали. Статьи и выступления профессора о головном мозге проясняли некоторые загадки человеческого мышления; физиологи и врачи-психиатры с интересом обсуждали и проверяли его гипотезы. А кибернетики воплощали его идеи в оригинальных схемах электронных машин.

Все знали, что сам Гель Иванович увлекается на досуге игрушками-автоматами: он собрал говорящего попугая, поющую собачью голову, обезьяну, показывающую фокусы. Одни считали их просто забавными, другие говорили, что в игрушках заложены интереснейшие

схемы слуха, двигательных центров, речи будущих кибернетических автоматов, которые ещё удивят человечество. А человечество пока ничего не знало про гениальные игрушки, которые были заперты в профессорской лаборатории.

Светловидов вспомнил, как лет десять назад он, тогда ещё молодой инженер, приехал в город сибирских учёных – Синегорск и, выполняя обычное командировочное задание, несколько дней мечтал встретиться со знаменитым Громовым. Наконец он позвонил ему и напросился в гости. От гостиницы до Вычислительного центра Светловидов шёл пешком. Моросил мелкий, скучный дождь, на улицах не было ни души. И вот недалеко от корпусов центра Александр Сергеевич увидел странного прохожего. В расстёгнутом плаще, без шляпы, не обращая внимания на дождь, шагал он вокруг фонаря и что-то быстро записывал на клочке бумаги. Светловидов узнал Громова.

– Вы прибыли в самый нужный момент, – сказал профессор, беря под руку инженера. – Идёмте!

– Но вы же простудитесь, Гель Иванович! – воскликнул Светловидов. – Идёт дождь, а вы без головного убора.

– Ничего не случится, – мягко улыбнулся Громов. – Я вышел встречать вас и увлёкся одной мыслью. А когда голова горячая, ей не страшна никакая сырость.

Они пришли в небольшую комнату, уставленную приборами, и сразу же взялись за дело. Собственно, опыт напоминал увлекательную игру. В соседнем зале, как разъяснил профессор, находились два объекта – Икс и Игрек. Один из них был старый помощник Громова по фамилии Пумпонов. Другой объект – электронно-счётная машина.

Профессор усадил Светловидова за стол с двумя телеграфными аппаратами. Над ними висели листочки с буквами «Х» и «У»: каждый из двух невидимых Светловидову игроков пользовался своим аппаратом. Правила игры были очень простые: гость мог задавать Иксу и Игреку любые вопросы и в течение получаса отгадывать, кто из отвечающих – машина и кто – человек.

Светловидов и сейчас помнит свои вопросы и ответы Икса и Игрека.

Сначала он спросил, кому сколько лет.

Икс протелеграфировал:

– Восемьсот.

Ответ Игрека содержал меньше вымысла:

– Пятьдесят.

Затем Александр Сергеевич задал ещё два разведывательных вопроса:

– Как давно знаете вы профессора? Как вы к нему относитесь?

Икс отстучал на телеграфной ленте:

– Триста пятьдесят лет. Побаиваюсь.

Игрек отвечал иначе:

– Всю жизнь. Обожаю.

Садясь к телеграфным ключам, Светловидов довольно легко представил себе тактику невидимых игроков. Человек не может прикинуться машиной, его сразу же выдаст медлительность счёта. Следовательно, машина в своих ответах должна хитрить, обманывать, прикидываться человеком. А человеку (Пумпонову) ничего не оставалось, как говорить только правду. Как выяснилось потом, эта логическая система оказалась правильной. И всё-таки Икс и Игрек сбили Светловидова с толку.

После первых ответов он подумал: «Иксу восемьсот лет. Фантазия. Наверное, это машина».

Но торопиться с ответом Светловидов не хотел. Он решил проверить их в счёте. Он задал Иксу простую задачу:

– Прибавьте 928 714 к 47 218.

Икс подумал тридцать секунд и суммировал:

– 975 932.

Светловидов – Игреку:

– Сложите 723 022 и 252 910.

Через полминуты заработал телеграфный аппарат Игрека:

– 975 932.

«Эге, – сказал себе инженер, – и тот и другой думали полминуты. Кто-то хитрит!»

И он обрушился с серией вопросов на Игрека:

– Прочтите начало первой главы «Евгения Онегина» Пушкина.

– «Мой дядя самых честных правил...» – немедленно откликнулся Игрек.

– Не думаете ли вы, – спросил Светловидов, – что звучало бы точнее так: «Мой дядя самых честных качеств»?

– Это нарушило бы рифму, испортило стих, – весьма логично заметил Игрек.

– А если сказать так: «Мой дядя самых скверных правил»? Как вы помните, Онегин не идеализировал своего дядю. И рифма в этом случае в порядке.

Ответ Игрека был убийственный:

– Зачем обижать дядю? Надеюсь, вы это не серьёзно?

Вытерев пот со лба, Александр Сергеевич взялся за Икса. Он так и не решил, кто такой Игрек. Могла ли машина быть столь остроумным собеседником? Конечно, могла, раз её обучал профессор. Что касается помощника Пумпонова, то с его характером и настроением ума Светловидов не был ещё знаком.

Итак, очередь за Иксом. Удастся ли разгадать, кто он?

– Вы играете в шахматы? – спросил инженер.

Икс ответил коротко:

– Да.

Светловидов предложил ему решить этюд:

– У меня только король на е8, других фигур нет. У вас – король на е6 и ладья на h1.

Как вы сыграете?

Икс после тридцати секунд молчания отстукал на ленте решение:

– Lh8. Вам мат.

Кажется, гость проигрывал игру... Прошло уже двадцать пять минут. Гель Иванович дымил трубкой и лукаво поглядывал на коллегу.

«Какой же задать вопрос?» – мучительно думал Светловидов.

Он спросил самое простое:

– Что вы любите больше всего?

Ответы были простодушны и откровенны.

Икс:

– Кинофильмы.

Игрек:

– Люблю конфеты.

«Кто же хитрит? – возмутился Светловидов. – Смотрит ли машина кино? Нет. А как насчёт конфет? Неужели я поглупел? И всё же – спокойствие. Надо разобраться детальнее».

– Какие картины вы видели за последнее время? – спросил он у Икса.

– Заграничные. «Смерть за два гроша», «Наказание», «Источник силы».

Названия были незнакомы Светловидову. Он попросил уточнить:

– Перескажите сюжет первой картины.

Икс начал рассказ:

– Девушка и рабочий парень влюблены друг в друга. Но на их жизненном пути встречаются бандиты. Один из них, по кличке Каро, ещё похож на человека, а остальные просто мерзавцы. Они хотят вовлечь парня в свои дела, и тут гремят выстрелы. Один. Другой. Третий... Я насчитал двести семнадцать выстрелов...

Настолько увлекательным показался Светловидову этот рассказ, что он прервал Икса на полуслове, протелеграфировав:

– Довольно!

Откинувшись на спинку стула, устало сказал:

– Это человек.

– Вот вы и угадали! – искренне обрадовался Громов. – А ваши первоначальные мысли, как я заметил, были абсолютно точными: машина лгала, а человек говорил правду. Но сейчас я познакомлю вас с моим помощником, и вы поймёте, почему он всё-таки водил вас за нос.

Светловидов вспоминает сгорбленного живого старика. На его лице очень много морщин, они то и дело сбегаются в хитрую улыбку, и тогда глаза кажутся маленькими зелёными точками. Пумпонов в игре не хитрил и на все вопросы отвечал весьма простодушно и точно, выступая под псевдонимом Икс. Он был очень стар и чистосердечно уверял всех, что живёт на свете восемьсот лет и из них вот уже триста пятьдесят лет помогает профессору. «Что делаешь, – сказал он, – именно столько я насчитал. Уж вы извините старика за доставленную неприятность». Он отлично играл в шахматы и превыше всего любил кинофильмы. Эта страсть его и выдала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.